

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «НАЦИЯ»

С. Т. Калтахчян

Для XX века характерно огромное разнообразие наций, путей их формирования и сложность взаимоотношений. В Азии, Африке, Латинской Америке идет бурный процесс роста национального самосознания сотен миллионов людей. Путь самостоятельного национального развития открыт десяткам ранее зависимых народов. В странах социализма нации стали или становятся социалистическими. С образованием советского народа как новой исторической, более широкой, чем нация, общности людей возникла конкретно-практическая проблема соотношения национальных и интернациональных общностей, а с возникновением мировой системы социализма — проблема новых национальных и национально-государственных отношений внутри этой системы. В период строительства коммунизма формируются коммунистические общественные отношения людей, которым также присущи определенные национальные особенности. В свою очередь, коммунистическое строительство постоянно влечет за собой коренные качественные изменения в положении и духовном облике наций, в их взаимоотношениях, все более сближая нации и подготавливая их слияние в единое, безнациональное человечество.

По своей сущности нации одной социальной системы сильно отличаются от наций другой системы. По-разному ставятся и решаются проблемы их развития и взаимоотношений. Различно проявляются национализм и борьба с ним. Естественно поэтому, что то или иное определение нации при всей его ограниченности, присущей любым определениям вообще, может сослужить хорошую службу, если оно является результатом теоретического обобщения конкретного изучения наций в их конкретных проявлениях. Этому вопросу в последние годы был посвящен ряд статей и научных докладов, имели место дискуссии, например, дискуссия о национальном своеобразии литературы и искусства, проведенная на страницах «Литературной газеты». При этом отмечалась неразработанность ряда вопросов теории нации и указывалось на необходимость последовательного и полного использования марксистско-ленинской теории нации, а также накопленного исторического и этнографического материала для дальнейшего изучения и теоретического обобщения новых явлений национальной жизни. Решение такой задачи, имеющей не только научное, но и огромное политическое и практическое значение, требует координации усилий представителей всех общественных наук. Только сообща можно всесторонне исследовать конкретную жизнь наций, теоретически обобщить полученный богатейший материал, а также проанализировать социальные и гносеологические корни различных истолкований сущности нации. Статьи П. М. Рогачева и М. А. Свердлина «О понятии «нация» и М. С. Джунусова «Нация как социально-этническая общность людей», как и ряд

других статей, затрагивающих в печати последних лет эту тему¹, полезны прежде всего тем, что в них освещается ленинское понимание сущности нации и делается попытка продолжить дальнейшую разработку марксистско-ленинской теории нации. Ценно и стремление авторов дать позитивное решение отдельных проблем теории нации в свете современных национальных явлений. Разделяя основные идеи авторов статьи, мы вместе с тем хотели бы по отдельным вопросам поспорить с ними, высказать ряд дополнительных соображений и вкратце проследить, как в борьбе с антинаучными концепциями раскрывали сущность нации основоположники марксизма-ленинизма.

Решить любую национальную проблему нельзя без понимания сущности нации. По этой причине сделано и делается множество попыток выделить среди всего разнообразия характеристик наций те общие, которые присущи всем им. К сожалению, выделение общих признаков часто производится формально-логически — путем составления различных таблиц, сопоставления примеров изучаемого явления, подбора случаев, противоречащих обобщению. Подобным путем, конечно, всегда можно выделить и объединить определенные общие признаки того или иного явления, но сущность явления не исчерпывается этим. И дело не только в том, что возможны и всегда встречаются исключения, но и в том, что анатомирование явления, разрушая живые связи и не выясняя основу жизненных функций данного явления, не позволяет добраться до его истинной сущности.

П. М. Рогачев и М. А. Свердлин выясняют понятие «нация», исходя из анализа ее сущности. Однако, как нам кажется, они вступают в противоречие с собой, когда утверждают, что нужно «прежде всего дать определение понятия нации во всей его широте», так как, «только отпавляясь от такого понятия, можно в процессе конкретизации идти дальше — выявлять особенности отдельных типов нации» (стр. 34). По нашему мнению, наоборот, изучение типов наций, условий их формирования и развития даст ключ как к определению каждого из них, так и для выделения тех общих моментов, которые присущи всем им. При этом окажется, что самое общее определение будет самым узким (а не широким). Не случайно поэтому В. И. Ленин, всесторонне и глубоко исследовавший теорию нации и национальных отношений, включал в общее понятие «нация» только экономическую, территориальную и языковую общность людей².

М. С. Джунусов прав, когда напоминает об относительности научных определений, о ленинском возражении против «эклектической погони за полным перечнем всех отдельных признаков» (стр. 19, 21) и обращает внимание на необходимость вычленения существенных признаков из несущественных. Но когда он упрекает других авторов в том, что они еще не дают всестороннего и позитивного решения вопроса (стр. 17), тогда он не учитывает, что такое решение является как раз задачей коллективных усилий и речь идет не об одной лишь модификации существующего определения, а о глубоком понимании сущности нации. Можно поспорить и с определением нации, данным М. С. Джунусовым (стр. 20). Вряд ли, например, можно утверждать, что одним из признаков нации является устойчивая общность национального самосознания, развившаяся в ходе становления капиталистических отношений. Предложенные новые определения, в том числе и М. С. Джунусовым, очевидно, и не претендуют на окончательное решение вопроса, но они полезны как научные поиски, подходы к решению важной и нужной проблемы.

¹ Краткая историография вопроса дана в статье П. М. Рогачева и М. А. Свердлина «О понятии «нация» и в заметке «От редакции», которыми в журнале «Вопросы истории» (1966, № 1) открывается дискуссия о понятии «нация», а также в статье М. С. Джунусова «Нация как социально-этническая общность людей» («Вопросы истории», 1966, № 4).

² См. «Ленинский сборник» XXX, стр. 53; В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 388.

То, что дискуссии помогают уточнению наших понятий, можно видеть на примере употребления термина «буржуазная нация». М. С. Джунусов еще частично спорит с товарищами, исключаями правомерность данного термина для характеристики нации в целом, но сам уже отказался от употребления его, что совершенно правильно. Буржуазный тип организации нации, конечно, имеет место, но ведь термин «буржуазная нация» у нас употреблялся для характеристики социально-политического облика нации капиталистического общества в целом. Классики марксизма-ленинизма употребляли термин «буржуазная нация», «капиталистическая нация» конкретно-исторически, отмечая условия формирования нации («буржуазные связи»), но без единого намека на общность интересов и духовного облика буржуазии и пролетариата.

П. М. Рогачев и М. А. Свердлин вопреки широко распространенному мнению исключают из определения нации общность психического склада, национального характера, национальной культуры; они говорят об общности «некоторых особенностей психологии, традиций быта, культуры...» (стр. 45). В последние годы в учебной литературе такая точка зрения стала преобладать. Однако нельзя не заметить, что сказанное правильно в отношении только наций капиталистического общества. Что же касается социалистических наций, то здесь надо говорить не об отдельных элементах духовной общности людей, а о подлинной общности национальной культуры и национального характера при одновременном росте их интернациональных черт. Исключение понятия «духовная общность» из определения нации (как и замену «экономического признака» признаком «общность хозяйственной жизни») авторы объясняют необходимостью оставить в определении только те признаки, в отношении которых мы могли бы «отвлекаться от классовых противоположностей внутри нации» (стр. 39). Это верно, но только в отношении самих признаков, а не нации в целом. Понять сущность нации можно лишь путем анализа особенностей каждого из классов, составляющих данную нацию. В. И. Ленин неоднократно указывал, что недопустимо рассматривать нацию, выводить понятие «нация», не выясняя влияния классов на возникновение и эволюцию нации³.

Единственно правильное истолкование сущности нации дает историко-экономическая теория нации, разработанная впервые К. Марксом и Ф. Энгельсом и всесторонне развитая В. И. Лениным. В работах Маркса и Энгельса термин «нация» иногда употребляется по отношению к народам рабовладельческого и феодального обществ⁴. Такое употребление термина нельзя считать каким-то недостатком или смешением понятия «нация» с понятиями «национальность» или «народность». Эти понятия Маркс и Энгельс четко различают. Они писали даже о национальности нации⁵. В подобных случаях Маркс и Энгельс имели в виду то, что нации как этническая общность существовали еще задолго до возникновения современных наций и что главной особенностью наций была их национальность. Национальные особенности возникают еще до возникновения нации в современном понимании слова. При характеристике же современных наций главное внимание обращается не только на то, что нация является новой этнической общностью, но и на то, что она представляет новое социально-экономическое и политическое объединение людей, или, как пишет М. С. Джунусов, сложное единство этнического и социально-экономического образования (стр. 26). Это весьма принципиальное положение, игнорируя которое нельзя понять подлинной сущности современных наций.

Энгельс отмечал, что еще в начале нашей эры «элементы новых наций были повсюду налицо; латинские диалекты различных провинций

³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 221, 474.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 182; т. 16, стр. 516.

⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 83—84.

все больше и больше расходились между собой; естественные границы, сделавшие когда-то Италию, Галлию, Испанию, Африку самостоятельными территориями, еще существовали и все еще давали себя чувствовать. Но нигде не было налицо силы, способной соединить эти элементы в новые нации»⁶. Энгельс, таким образом, констатируя наличие основных элементов нации — языка и территории, — указывал на отсутствие самого главного условия возникновения нации — экономической общности различных областей феодально-раздробленных стран. Королевская власть в союзе с растущим бюргерством сыграла в ряде стран (Франция, Англия, Россия и др.) решающую роль в экономической и политической централизации феодальных областей, удельных княжеств. Этот союз Энгельс датировал X веком. Союз нередко нарушался в результате конфликтов, однако значение бюргерства неизменно возрастало, и в XV в. оно стало уже более необходимым для дальнейшего развития общества, чем дворянство. «Еще задолго до того, — писал Энгельс, — как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий, их фундамент был подорван деньгами»⁷. Используя новую силу, королевская власть стала прогрессивным элементом, так как она выступала против феодальной раздробленности и собирала мятежные княжеские государства под свою единую власть. «Во Франции Людовику XI после падения бургундского промежуточного государства удалось, наконец, на тогда еще очень урезанной французской территории, настолько восстановить национальное единство, представителем которого была королевская власть, что... единство это всего лишь однажды, вследствие реформаций, на непродолжительное время было поставлено под вопрос... Скандинавские страны были объединены уже давно. Польша, королевская власть которой еще не ослабела, со времени своего объединения с Литвой шла навстречу периоду своего блеска, и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III. Во всей Европе оставались еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни немыслимого тогда без нее национального единства, или они существовали только на бумаге: этими странами были Италия и Германия»⁸.

Таким образом, нации, экономически и политически централизованные, возникают с появлением капиталистических отношений, но еще до утверждения капитализма. Окончательная консолидация их происходит благодаря развитию капитализма, когда в постоянные экономические связи со всеми другими частями страны вовлекается деревня. Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения буржуазия, с одной стороны, вовлекает в цивилизацию уже существующие нации, «даже самые варварские» нации, как указывается в «Манифесте Коммунистической партии», а с другой стороны, уничтожая раздробленность средств производства, собственности и населения, сплачивает независимые ранее области «в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом, с одной таможенной границей»⁹. Каждый из основных классов — буржуазия и пролетариат — консолидируется теперь в общенациональном масштабе, каждый из них имеет теперь свой собственный национальный классовый интерес. Буржуазия заинтересована в обеспечении свободного передвижения всех граждан страны, в едином торгово-промышленном законодательстве и в конечном счете в возможности беспрепятственной массовой эксплуатации отечественной рабочей силы. Все это, писал Энгельс, было

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 147.

⁷ Там же, стр. 408.

⁸ Там же, стр. 415—416.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 428.

«теперь уже не патриотическими фантазиями экзальтированных студентов, а необходимым условием существования промышленности»¹⁰. Именно в этом национальный интерес буржуазии. Именно на этом базисе возвышается весь ее патриотизм, вся ее националистическая идеология. Пролетариат тоже национален, но отнюдь не в буржуазном смысле. Субъективно он еще неосознанно, стихийно, интуитивно чувствует, что лучше обеспечит свои интересы, сплотившись в едином национальном отечестве. Объективно рабочий класс национален постольку, поскольку он «для того чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организоваться как класс». «Непосредственной ареной его борьбы является его же страна... его классовая борьба не по своему содержанию, а... «по форме» является национальной»¹¹.

На различных этапах истории появляются и определенные общенациональные интересы. Но они по-разному проявляются у различных классов. Вот почему Маркс и Энгельс выдвигают на первый план не общенациональную общность, а национальную классовую общность, подчеркивают не общенациональный характер, а национальный характер буржуазии и пролетариата той или иной страны. Пролетариат стремится к своему национальному отечеству не потому, что чувствует духовное родство с национальной буржуазией, а потому, что сперва чувствует, а затем и осознает необходимость своей организации в национальном масштабе для успешной борьбы за свои интересы. Именно в этом основной и главный смысл утверждения «Манифеста Коммунистической партии» о необходимости объединения «в одну нацию... с одним национальным классовым интересом»¹². Как писал Энгельс, «стремление к единому «отечеству» имело весьма материальную подоплеку»¹³. Ирландцы в длительной борьбе против Англии за национальную независимость выработали свое национальное самосознание, свои традиции, но они, быть может, смогли бы остаться в составе Англии, как шотландцы и уэльсцы, если бы неслыханная антиирландская политика англичан не превратила ирландский национальный вопрос в вопрос о земле, о существовании. Эльзасцы и лотарингцы, подчеркивали Маркс и Энгельс, в силу определенных социальных причин предпочли национальное существование на чужбине, а не в своем, немецком отечестве. Когда разразилась Французская буржуазная революция, Эльзас и Лотарингия, как замечал Энгельс, получили от Франции в подарок то, чего они и не смели надеяться получить от Германии. Они избавились от феодальных оков, от патрициата и цеховых привилегий в городах. Эльзасцы и лотарингцы, которые еще не были офранцузены, следуя примеру французов, прогнали дворян, баронов и князей и объявили себя свободными французами. И когда Германская империя выступила с войной против революции, «тогда, — писал Энгельс, — было покончено с принадлежностью эльзасцев и лотарингцев к немецкой нации, тогда они научились ненавидеть и презирать немцев, тогда в Страсбурге была сочинена, положена на музыку и впервые пропета эльзасцами «Марсельеза» и тогда немецкие французы, невзирая на язык и прошлое, на полях сотен сражений в борьбе за революцию слились в единый народ с исконными французами. Разве великая революция не совершила такое же чудо с фламандцами Дюнкерка, с кельтами Бретани, с итальянцами Корсики?.. Во время своего продвижения в 1814 г. союзники как раз в Эльзасе и немецкой Лотарингии встретили наиболее враждебное отношение, наиболее сильное сопротивление со стороны самого народа, так как здесь чувствовали опасность, что придется опять стать немецкими гражданами. А между тем в то время в этих областях еще гово-

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 423.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 19, стр. 22.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 428.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 424.

рили почти исключительно по-немецки. Когда же опасность отторжения от Франции миновала... тогда увидели необходимость более тесного слияния с Францией также и в отношении языка, и с этих пор началось такое же офранужение школы, какое провели у себя, по собственной воле, и люксембуржцы»¹⁴.

Национальные чувства, национальное сознание, таким образом, не являются прирожденными. Когда целые группы той или иной нации длительное время живут в условиях жизни других наций, они разделяют уже национальные особенности новых отечеств, а не чувства своих бывших соотечественников. Глубокие национальные чувства в отношении к бывшему отечеству сохраняются еще долго, особенно в первом и во втором поколениях эмигрантов, но, как правило, эти чувства отступают перед экономическими и политическими интересами. Былые национальные чувства, национальная гордость могут вспыхнуть с новой силой, если бывшая родина вступает на прогрессивный путь развития или находится под угрозой иностранного порабощения. Такое явление, когда целые группы той или иной нации, связав свою судьбу с другой нацией, становятся частью последней, Энгельс отмечал неоднократно. В статье «Борьба в Венгрии» (1849 г.) он писал: «...венгерские немцы, хотя и сохранили немецкий язык, стали по духу, характеру и обычаям настоящими мадьярами»¹⁵. Когда же польские немцы в 1848 г., после нового раздела Польши, вдруг вспомнили, что они немцы, и захотели присоединить заселенные ими польские земли к Германии, Энгельс вскрыл материальную подоплеку этих ухищрений, показав, что польские немцы, эти потомки переселенцев, покинувшие свою родину из-за религиозных преследований и в течение столетий делившие судьбу польского государства, никакие не немцы. Они просто пытались использовать трудное положение Польши в данный момент, чтобы добиться господствующей роли¹⁶.

История показывает, что из одного корня могут в различных условиях развиваться различные нации, так же как и различные национальности, смешиваясь, могут образовать новую нацию. Марксу и Энгельсу было важно подчеркнуть решающую роль материальных интересов для консолидации нации. В период утвердившегося капитализма экономические связи выступают уже не только условием образования нации, но и как ее признак. Этот признак нации часто формулируется как «общность экономической жизни людей». Однако такая формулировка затушевывает противоречивость экономических интересов людей в социально неоднородной нации, дает повод думать, что при капитализме существует якобы какая-то «общность экономической жизни» эксплуататоров и эксплуатируемых. Поэтому следует говорить не об «общности экономической жизни», а об «общности экономических связей», имея в виду установление прочных и широких экономических связей между различными классами и слоями населения данной страны, между отдельными ее областями и краями, между городом и деревней и т. д. Конечно, сохраняя формулировку «общность экономической жизни», можно прибегнуть к оговоркам и сказать, что ее надо понимать в смысле общности экономических связей, но это не решение вопроса. Лучше просто заменить двусмысленное выражение точным.

П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, чтобы избежать понятия «общность экономической жизни» и исключить из него классовый момент, предлагают термин «общность хозяйственной жизни», вкладывая в эти слова «не только политико-экономический, но и экономико-географический смысл» (стр. 36). Нам кажется, что такая замена не намного улучшает дело. Экономика, понимаемая как совокупность производственных

¹⁴ Там же, стр. 461—462.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 6, стр. 181.

¹⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 5, стр. 55.

отношений, уже сама по себе означает, что для представителей антагонистических классов существует не «общность экономической жизни», а лишь «общность экономических связей» и эти связи возникают потому, что люди независимо от своей воли вступают в капиталистические производственные отношения. Что же касается «экономико-географического смысла», то он должен быть учтен, но не без оговорок. Экономическая география рассматривает экономические отношения, связанные с территориальным разделением труда. Но это не значит, что каждая нация обладает одним определенным профилем специализации своего хозяйства и четко обособленным своеобразием социально-экономических и природных условий. Последние могут быть во многом сходны между отдельными странами, и, наоборот, внутри одной и той же страны, в том числе однопациональной, могут быть и существуют различные экономико-географические районы, исторически сложившиеся части страны, различающиеся между собой не только природными условиями, но и степенью их освоения, уровнем развития производительных сил. Это необходимо иметь в виду тем более, что размещение производительных сил и образование экономических районов при капитализме носят стихийный характер, отображая анархию капиталистического производства. Развитие одних районов той или иной страны происходит за счет других ее районов. Так, промышленный север США процветал за счет эксплуатации и застоя бывшего рабовладельческого юга. Вот почему складывание и укрепление национальных связей в очень отдаленной степени можно объяснить экономико-географическими факторами.

Важнейшим признаком нации Маркс и Энгельс считали общность территории. В свою очередь, результатом экономической и политической концентрации (начатой еще королевским абсолютизмом) явилась, как отмечали Маркс и Энгельс, концентрация диалектов в единый язык. Происходило разделение населения на языковые группы, которые послужили определенной основой образования государств. «Национальности,— писал Энгельс,— начали развиваться в нации»¹⁷. Если в эпоху феодализма границы языка далеко еще не совпадали с границами государств, то тенденция к образованию национальных государств выступала все яснее и все более осознавалась. Установление национальных границ (общность территории) Маркс и Энгельс тесно связывали со становлением национального сознания. Разоблачая реакционную теорию «естественных границ», служившую оправданием агрессивной политики, Энгельс отмечал, что действительно естественными границами являются те, «которые определяются языком и общностью симпатий»¹⁸. Такое национальное сознание, однако,— не простое сознание своей этнической принадлежности. Как было показано выше, симпатии населения или его национальные чувства не всегда совпадают с его национальным происхождением.

Национальные чувства, порожденные действительным гнетом инонациональных сил или угрозой свободному существованию, играют положительную роль в развитии и укреплении каждой нации. Эти чувства приобретают осознанный характер в конкретной борьбе народов за свободу и независимость. В национально-освободительных движениях крепнет и развивается национальное сознание, становясь одной из характерных черт нации. В определенные периоды жизни национального сознания консолидирует все национальные силы, однако каждый из классов проявляет себя даже в смертельной схватке с иностранными поработителями сообразно своей классовой сущности. Подчеркивая исторические, географические (территориальные) и политические усло-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 410.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 281.

вия возникновения и развития нации, Маркс и Энгельс никогда не говорили об общности психического склада как признаке нации капиталистического общества, и это, как мы увидим ниже, не случайно. Что касается термина «национальный характер», то он встречается в отдельных работах Маркса и Энгельса, но не в качестве признака нации. Длительная совместная жизнь в одинаковой среде вырабатывает у людей одинаковые привычки, определенные черты психологии, способствует появлению одинаковых традиций. Все это Маркс и Энгельс считали важными моментами и советовали строго учитывать их во взаимоотношениях наций, например, англичан и ирландцев. Однако, объясняя национальный характер определенными условиями, они не считали возможным определять сущность нации национальным характером и даже не рассматривали его в качестве одного из решающих признаков. Когда, например, Энгельс в своих путевых заметках «Из Парижа в Берн» писал о «французской веселости» или «беззаботном легкомыслии буржундца», он, конечно, не считал подобные черты, проявляющиеся на поверхности явлений, определителями характера нации. В научном понимании слова «национальный характер» употребляются Марксом и Энгельсом в отношении различных классов одной и той же нации.

Таким образом, решающими условиями возникновения нации, а затем и признаками самой нации Маркс и Энгельс считали общность экономических связей и отношений большой группы людей; территориальную целостность как основу деятельности этих людей, как почву для установления общих экономических связей; развитие общего литературного языка. В борьбе за свободное, независимое существование складывалось национальное сознание, направленное на завоевание или отстаивание и упрочение национальной государственности.

Маркс и Энгельс доказали, что народные массы со времени возникновения национальностей, а затем и наций всегда являлись их основой, ядром. «Современные национальности,— писал Энгельс,— также являются продуктом угнетенных классов»¹⁹. Именно эти классы всегда отстаивают нацию как арену своей деятельности и борьбы во имя лучшей жизни, во имя умножения материальных и духовных богатств. Всем этим объясняется то, что всегда и везде главную боевую массу национально-освободительных движений составляли трудящиеся, хотя плоды их побед чаще всего доставались господствующим классам. С учетом всех этих условий Маркс и Энгельс считали национальную консолидацию важным фактором для трудящихся, которые «обязаны быть национальными, прежде чем они станут интернациональными»²⁰.

Близко к историко-экономической трактовке нации подошли революционные демократы, постоянно находившиеся в горниле национально-освободительной борьбы. Так, М. Л. Налбандян неоднократно подчеркивал, что национальность стала как бы насущным хлебом, без которого не проживешь, без экономических побудительных причин идея нации превращается в отвлеченность, в фанатический национализм. «Если же мне скажут, сохрани свою национальность, будь постоянен в любви к своей родине, люби своих соотечественников, храни свой язык, который является знаменем твоей нации, и все это даст тебе право приобрести кусок земли, который избавит тебя от рабства и нищеты,— писал М. Л. Налбандян в 1862 г.,— тогда я пойму и, видя в общей выгоде свою собственную, положу все свои силы для ее защиты. Тогда я последую этому зову, ибо он возмещает мне спасение именем нации»²¹.

В данном случае под словом «нация» понимается трудовой народ. Когда же «нация» понимается как совокупность различных сословий и

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 409.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 186.

²¹ М. Налбандян. Избранные философские произведения. М. 1954, стр. 446.

классов, революционные демократы подчеркивают классово различные интересы людей, их различное отношение к национальному отечеству. Русские революционные демократы, например, всегда четко различали «Россию народа» и «официальную Россию». Герцен, Чернышевский, Добролюбов, а с 1841 г. и Белинский последовательно боролись против субстанционального понимания сущности нации славянофилами, против славянофильской теории самобытного развития русской нации, ее характера и культуры. Народность, национальность проявляются в их общественно-историческом и культурном развитии, а это, доказывал Герцен, невозможно при замкнутой, забитой жизни²². Нет неизменных естественных устоев национальной жизни, утверждал Добролюбов и показывал, что реакционные измышления Шевыревых о том, что «смирение, покорность, долготерпение» и т. п. являются природными качествами русского народа, отвергаются самим ходом жизни как чуждые коренным интересам прогресса России. Есть, конечно, и реальные черты национального характера. Общие условия жизни той или иной нации создают общность национального характера. Но общие условия жизни подавляющего большинства населения данной национальности — это условия жизни народных масс, которые и являются носителями национального характера. Многие народы, особенно соседние, имеют немало общих условий жизни, а следовательно, общих черт характера. Выступая против узкого патриотизма и межнациональной розни, Добролюбов писал: «Мы не понимаем, отчего же, если я из Нижегородской губернии, а другой из Харьковской, то между нами уже не может быть столько общего, как если бы он был из Псковской. Если сами малороссы не совсем доверяют нам, так этому виной такие исторические обстоятельства (в которых участвовала административная часть русского общества), а уж никак не народ»²³. М. Налбандян также показывает, что не «национальный дух» и не религия, а материальные условия жизни определяют психологию наций. Сравнивая, например, два соседних народа: азербайджанцев и армян, — он писал: «Тот, кто отличает нации по их религиям, не сумеет ответить на вопрос или объяснить естественную и психологическую причину того, что тюрк (азербайджанец) получает наслаждение от жалобных и унылых песен армянина, так же как и армянин — от песен тюрка... Но если такой человек обратит внимание на природу, одинаковое развитие обеих наций, судьбу обеих, полную угнетения и эксплуатации, тогда для него станет очевидным, что армяне и тюрки (азербайджанцы), будучи связаны одинаковыми узами, несомненно, недалеко ушли друг от друга по своей психологии»²⁴.

Теорию «единого потока» как теорию единой национальной культуры в классовом обществе отвергали революционные демократы всех стран, все прогрессивные деятели. Так, Т. Г. Шевченко националистическому толкованию истории Украины как истории «бесклассовой» украинской нации противопоставлял историю нации крепостного крестьянства и царя. С другой стороны, Шевченко находил много общих черт в психологии и культуре народов разных наций и выступал за их братское единение против врагов-эксплуататоров. В Польше Сераковский, Домбровский и другие обличали теорию мессианизма с ее мистическими рассуждениями о «богоизбранности» польского народа и общности интересов, психологии, мировоззрения всех поляков. И Ворцель после долгих колебаний признал правильной критику Герценом шляхетского лозунга «нет хлопков, нет шляхты — есть поляки».

Ближе всех из революционных демократов подошел к научному пониманию сущности нации и национального Н. Г. Чернышевский. На-

²² А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. IX. М. 1956, стр. 149.

²³ Н. А. Добролюбов. Избранные философские сочинения. Т. II. М. 1946, стр. 257.

²⁴ М. Налбандян. Указ. соч., стр. 547—548.

ция рассматривалась им как общественно-историческое явление. Чернышевский отвергал всякие биологические, расистские и психологические интерпретации нации и указывал на несомненный факт, что в природе нет чистых наций, состоящих из людей единого происхождения. На примере ряда общеизвестных наций — английской, испанской, итальянской, французской — Чернышевский показывал, что каждая из них является соединением столь различных физических типов, что любой из этих типов принадлежит лишь меньшинству людей, составляющих данную нацию, и что в составе других наций находится очень много людей того же типа. Перепутанность эта так велика, что нельзя, писал Чернышевский, составить такую характеристику, «под которую подходило бы большинство людей этой нации и которая с тем вместе оставалась бы относящейся собственно к этой нации... а не была бы характеристикой группы людей гораздо более обширной, чем эта нация»²⁵. Говоря об общеупотребительных характеристиках различных типов наций, Чернышевский саркастически замечал, что каждая из них составлена произволом фантазии, небрежно и под преобладающим влиянием наших симпатий или антипатий. «Главный ингредиент их, — писал он, — смесь самохвальства нации с злоречием других наций...» Высмеивая различные самохарактеристики и взаимохарактеристики наций, не имеющие никакой объективной основы, Чернышевский отмечал как удивительное явление, что находятся «ученые», которые выводят национальные типы из чужой брани и самохвальства²⁶. Он показал, что поскольку каждую нацию составляют люди нескольких очень различных типов, то ненаучно говорить о самобытном национальном типе. Чернышевский не ограничивался критикой расистско-биологического понимания нации как естественной общности. Он считал неправильным также рассматривать нацию как самобытную культурную общность, как общность людей с якобы единым национальным характером. Чернышевский подчеркивал зависимость характера от общности условий жизни и приводил примеры, когда внутри одной и той же крупной нации встречаются разные характеры людей в зависимости от мест их расселения. В частности, он, как и Энгельс, указывал на большое сходство в характере разнонационального населения пограничных районов и, наоборот, на различие характеров однопационального населения в разных районах. «Французский народ, — писал он, — состоит из нескольких племенных отделов. Когда мы сравниваем общеупотребительные характеристики их, то, кроме принадлежности к одной филологической народности, мы не найдем ни одной черты, которая была бы общей для всех их»²⁷.

Чернышевский считал, что нет нации, развивающей национальное, так сказать, вертикально, обособленно от других наций; наоборот, истинно национальное развивается благодаря горизонтальным культурным связям наций, их взаимообогащению. Национальное развивается благодаря общечеловеческому, интернациональному. Нации, как и отдельные личности, тем больше проявляют свою индивидуальность, оригинальность, чем больше становятся образованными, чем больше впитывают достижения других. «Варвары все сходны между собою; каждая из высокообразованных наций отличается от других резко обрисованною индивидуальностью. Потому, заботясь о развитии общечеловеческих начал, мы в то же время содействуем развитию своих особенных качеств, хотя бы вовсе о том не заботились. Французский характер выработался только тогда, когда под древнеклассическим, итальянским и испанским влиянием развилось во Франции общее образование: Рабле, Корнель и Мольер — чистые французы; между тем французские

²⁵ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. X. М. 1951, стр. 827.

²⁶ Там же, стр. 827, 828.

²⁷ Там же, стр. 880.

трубадуры и труверы чрезвычайно мало отличаются от средневековых певцов остальных земель Западной Европы... Шекспир явился, когда все в Англии заботились о древнеклассической и итальянской литературе; Лессинг, Гёте и Шиллер были воспитаны не изучением средневековой поэзии, а влиянием древнеклассической и английской образованности и литературы»²⁸. Как видим, точку зрения, согласно которой национальным считаются только специфические особенности культуры нации, Чернышевский подверг критике уже более ста лет тому назад. Он указывал на то, что «забота об оригинальности губит оригинальность», что, обращая внимание исключительно на то, что отличает одну нацию от другой, мы выступаем против общечеловеческих элементов: «временное и случайное проявление становится в этом случае выше общего начала, форма выше содержания. Вместо движения превозносится застой, вместо живого духа начинает господствовать мертвая буква»²⁹.

Таким образом, революционные демократы рассматривали нацию как конкретное живое общественное явление и не призывали чистых национальных физических или культурно-психологических типов людей. Термин же «национальный характер» они употребляли не как понятие, объединяющее все сословия и классы той или иной нации, а как термин, выражающий разнообразный продукт данной социальной среды. Вместе с тем они защищали национальную свободу и независимость, ибо считали борьбу под национальным знаменем лучшим средством для экономического и культурного роста народа. Хотя революционные демократы и не дали последовательного научного раскрытия сущности нации, они, будучи тесно связанными с национальными движениями, во многом весьма близко подошли к историко-экономическому пониманию нации, в то время как от этой теории совершенно отошли социал-реформистские идеологи.

Попытки дать нациям психологическую классификацию, подразделять их по национальным характерам в наше время не уменьшаются, а, наоборот, увеличиваются. Так, Э. Баркер, один из буржуазных толкователей нации национальным характером, утверждает, что нация «не физический факт одной крови, а психический факт одной традиции»³⁰. Большинство современных буржуазных авторов, рассматривающих национальный характер в качестве главного или даже единственного определителя сущности нации, так или иначе исходит из идеалистически-психологической теории нации О. Бауэра. Сам Бауэр выдавал развитую им теорию национальной апперцепции (особое восприятие, осознание мира «духовным Я» той или иной нации) за марксистскую и социалистическую теорию, согласно которой социализм должно быть столько, сколько существует наций, ибо каждая нация якобы воспринимает социализм по-своему, сугубо индивидуально и приспособливает к своему национальному бытию. Это уже было теоретическим обоснованием «национального коммунизма», что еще Плеханов охарактеризовал как приспособление социализма к национализму. Подобный национализм левосектантского толка по логике вещей разрастается в расизм. Так, если апологеты западной цивилизации трубят об исключительности, например, англосаксонской расы и развивают европоцентристские теории, то певцы «восточных ветров» говорят об исключительной революционности цветных рас и проповедуют востокоцентризм.

В. И. Ленин на протяжении многих лет решительно боролся против психологической концепции нации Бауэра, ставшей теоретической основой пресловутой «культурно-национальной автономии». В 1913 г.

²⁸ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II. М. 1949, стр. 292—293.

²⁹ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. II, стр. 293.

³⁰ E. Barker. National Character and the Factors in its Formation. London. 1939, p. 12.

большевистская партия поставила перед марксистами, занимающимися национальным вопросом, задачу раскритиковать этот рафинированный, а потому особенно вредный национализм. За хорошее выполнение этой задачи Ленин дал высокую оценку работе Сталина «Марксизм и национальный вопрос», опубликованной в 1913 году. Некоторые товарищи склонны эту оценку распространить и на определение нации, данное в указанной работе. Отчасти это проскальзывает и в статье М. С. Джунусова (стр. 19—20). На наш взгляд, такой подход неправилен. Во-первых, можно привести немало примеров, когда Ленин давал высокую оценку различным произведениям, что, однако, не исключало критику их отдельных недостатков. Во-вторых, и это главное, в оценке тех или иных проблем необходимо отправляться непосредственно от взглядов самого Ленина на эти проблемы. В данном случае следует иметь в виду, что Ленин никогда не включал «национальную общность психики и культуры» в характеристику нации капиталистического общества. Уже через несколько месяцев после появления работы Сталина Ленин дважды прочитал реферат по национальному вопросу: 23 января 1914 г. в Париже и 2 февраля 1914 г. в Льеже — и оба раза говорил о двух теориях нации: историко-экономической, согласно которой признаками нации являются «язык и территория. Главное (экономический признак). Исторический характер»³¹, и бауэровской психологической теории, которую Ленин определял следующим образом: «(α) идеалистическая теория нации (β) лозунг национальной культуры (= буржуазный) (γ) национализм очищенный, утонченный, абсолютный, вплоть до социализма (δ) полное забвение интернационализма»³².

Ленин считал, что для понимания сущности нации важно прежде всего четко разграничить национальные и донациональные формы общностей людей³³. Исторически возникновению наций предшествовали первобытное человеческое стадо, род, племя, народность. Нация не имеет обязательной прямой генетической связи с этими донациональными формами общности людей ни в биологическом, ни в психологическом плане. Все формы общностей связаны друг с другом в общественно-историческом плане как различные этапы в развитии человечества, но каждая из них имеет свои характерные черты, объясняемые определенными социальными условиями. Четкое установление специфики каждой из форм общности людей становится поэтому возможным при анализе различий социальных условий, порождающих ту или иную форму общностей. Только такой анализ позволит выделить специфику нации как особой формы общности людей и подвергнуть критике ошибочные концепции, переносящие определенные специфические признаки рода и племени на нацию. Если родоплеменная общественная среда формировала общие черты характера и культуры людей, то с возникновением классового общества, основывающегося на частной собственности, существенно меняется и характер образования новых общностей людей, поскольку коренным образом изменяется характер их общественных связей и отношений. Еще больше сказываются социально-классовые отношения на возникновении и развитии нации.

Нация исторически сложилась как новая этническая общность и социальный коллектив людей вместе с формированием капиталистических отношений. Капиталистический способ производства стал экономической основой существования нации как новой формы общности людей. Феодальная раздробленность сковывала развитие капитализма, и буржуазия выступила знаменосцем национального единства, национальных связей. Слияние разрозненных областей, земель и княжеств в одно на-

³¹ «Ленинский сборник» XXX, стр. 53.

³² В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 387.

³³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 1, стр. 154.

циональное целое, например, в России (XVII в.) Ленин объяснял «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных»³⁴. В работе «Развитие капитализма в России» Ленин приводит данные, свидетельствующие о громадном росте товарного обращения и накопления капитала, о том, как во всех отраслях народного хозяйства открывалось поприще для приложения капитала, как в капиталистические отношения втягивалось и сельскохозяйственное население (отхожие промыслы и т. д.). Люди, объединенные в род, племя, тоже имели экономическую общность, очень устойчивую, просуществовавшую тысячелетия, однако, чтобы объединить людей разных племен, даже разных рас, более того, еще и различных социальных классов в общность постоянных экономических связей, необходимы были совершенно иные, а именно капиталистические экономические отношения. Этими отношениями («буржуазными связями») Ленин объясняет образование и развитие более обширной территориальной общности, литературного языка, а также национального сознания.

Было бы ошибочным не считать буржуазные экономические связи признаком нации на том основании, что иногда в недрах одной экономической общности возникает и развивается не одна, а несколько наций, как было, например, в условиях всероссийского рынка. Заметим в этой связи, что некоторые народности России, не втянутые в капиталистические отношения, так и не стали нациями вплоть до социалистической революции; те же народности (русская, украинская, белорусская и др.), которые стали нациями, имели не только всероссийскую, но и внутринациональную экономическую общность. Миллионы людей, вступая в новые, внутринациональные экономические связи, стали искать пути лучшего обеспечения своих интересов уже под знаменем собственной нации. Сочетание национальных и интернациональных экономических общностей можно проследить и в других многонациональных государствах. Более того, в новое и новейшее время нации возникали и возникают и в таких странах, в которых капитализм еще не победил, но которые втянуты в международное капиталистическое разделение труда. Многие страны Латинской Америки, например, этим путем преодолевали и преодолевают феодальные пережитки. В. И. Ленин считал нациями и колониальные народы. «Европейцы часто забывают,— писал он,— что колониальные народы тоже нации, но терпеть такую «забывчивость» значит терпеть шовинизм»³⁵.

Наконец, в наше время на основе специфически других экономических связей происходит национальная консолидация в странах, развивающихся некапиталистическим путем. При всех различиях указанных путей одно остается обязательным для формирования нации: преодоление племенной обособленности и феодальной раздробленности, складывание новых, широких экономических связей. Поэтому, если уже народность нельзя рассматривать в качестве результата осложнения родоплеменных связей, в качестве их продолжения и обобщения, то тем более, как это показал Ленин в полемике с Михайловским, этого нельзя сделать в отношении нации. Нация потому и является особой формой общности людей, что она не только принципиально отличается от родоплеменных общностей, но и существенно отличается от народностей докапиталистического периода большей четкостью расстановки классовых сил, большей полярностью социально-политического и духовного облика этих классов и соответственно большей общностью духовного

³⁴ Там же.

³⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 116.

облика и прочностью союзов каждого из классов, составляющих данную нацию. Капиталистическое общество, отмечал В. И. Ленин, «увеличивает потребность населения в союзе, в объединении и придает этим объединениям особый характер, сравнительно с объединениями прежних времен. Разрушая узкие, местные, сословные союзы средневекового общества... раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы... все указанные изменения старого хозяйственного строя капитализмом неизбежно ведут также и к изменению духовного облика населения»³⁶.

Итак, нация — продукт общественно-исторического развития. Она возникает как этническая и социальная общность, включающая в себя классово противоположные общности капиталистической эпохи развития человечества. Естественно поэтому, что, как указывал Ленин, нельзя понять сущность нации, рассматривая ее как некое внеклассовое или надклассовое явление. В свете этого становится понятным программное значение положения Ленина о наличии двух наций в каждой нации и двух культур в каждой национальной культуре³⁷. Указанное положение Ленин повторял систематически, оно отражает его взгляды (а также Маркса и Энгельса³⁸) на понимание сущности нации капиталистического общества.

Среди признаков, обычно приписываемых нации, есть такие, которые действительно общи всем ее членам, но есть и такие, которые складываются через классовое положение каждого из членов нации. Вот почему Ленин отмечал как основные признаки нации территорию и язык, а как основу образования нации возникновение буржуазных экономических связей. Естественно, что эти связи, породив нацию, становятся ее решающим признаком. Ленин не включал в число основных признаков национальный характер и культуру, а, наоборот, подчеркивал противоположность и национального характера и культуры у антагонистических классов в нациях капиталистического общества, что имеет принципиальное значение для понимания сущности нации, для правильного решения национальных проблем. «Есть две нации в каждой современной нации... — писал он. — Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова. Есть такие же две культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.»³⁹. Это, конечно, не означает, что Пуришкевичи перестают быть русскими. Но тут как раз и важно заметить, что одно дело быть русским по национальности, а другое — русским в смысле представителя, выразителя, защитника интересов развития русской нации. Раздвоенность национальной культуры в капиталистическом обществе, разумеется, нельзя понимать упрощенно, в «пролеткультовском» смысле. Ленин и до и после Октябрьской революции показывал, как пролетариат отбирает все ценное, примыкающее к демократической культуре, и из творений людей, принадлежащих по своему социальному положению к господствующим классам. Вспомним хотя бы, как Ленин, отмечая утопичность и даже реакционность учения Л. Н. Толстого, вместе с тем показал, что Толстой благодаря его громадному художественному таланту стал зеркалом русской революции. Ленин, деля национальную культуру на демократическую и буржуазную, имел в виду не классовую принадлежность творцов той или иной культуры, а то, каким клас-

³⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 600.

³⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 119—123, 129—135, 225, 236; т. 25, стр. 144—146; т. 31, стр. 440, и др.

³⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 356.

³⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 129.

сам служит она. Указывая на неизбежность классового деления национальной культуры в капиталистическом обществе, Ленин решительно подчеркивал, что тому, кто защищает в этих условиях лозунг национальной культуры, «место среди националистических мещан, а не среди марксистов»⁴⁰.

Мысль о «двух нациях» В. И. Ленин последовательно проводит по отношению ко всем этапам развития нации, вплоть до социалистической революции. Искать в отрицании «общностей» культуры и характера людей социально неоднородных наций национальный нигилизм, по крайней мере, странно, особенно если учесть, что эти «общности» характерны для подавляющего большинства наций и полностью проявляются в социалистических нациях. Здесь, конечно, имеются некоторые трудности, поскольку есть страны, где буржуазия еще играет прогрессивную роль, борется за национальную независимость, участвует в создании национальной культуры, и есть страны, где буржуазия хотя и перестала уже быть национальной, но еще продолжает вести за собой трудящихся. Чтобы правильно разобраться во всех этих случаях, необходимо помнить указание Ленина на то, что «надо считаться с тем, на какой ступени стоит данная нация по пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии — к демократии пролетарской», и не забывать, «с какими трудностями, каким извилистым путем идет дифференциация внутри наций»⁴¹.

Ленин ставил вопрос таким образом, что нужно пропагандировать дифференциацию нации, содействовать этому процессу, но не забежать вперед, не подменять, например, право нации на самоопределение лозунгом самоопределения трудящихся. Вообще в политике приходится считаться не только с реально существующими вещами, но и с реально существующей верой в реальность несуществующих вещей. Общеизвестно, например, что есть немало верящих в существование «национальной души» (речь идет не о метафорическом употреблении этого выражения) и немало убежденных в том, что достаточно пальцем указать на различие наций: англичан, датчан, французов и т. д., — как наличие «особого национального психического склада» будет очевидно всем. Ни эта «очевидность», ни анализ искусства, быта, любых деяний той или иной нации никаких научных доказательств существования «особой национальной души» не давали и дать не могут. Однако приходится и следует считаться с верой в особую национальную психику, национальную душу. Считаться с реально сложившимися убеждениями людей необходимо, какими бы ни были эти убеждения. Тем более необходимо учитывать воздействие националистической пропаганды, реальное влияние буржуазии, ее культуры и идеологии на трудящиеся массы. Считаться, однако, с национальными предрассудками или с фактами буржуазного влияния надо не так, чтобы укреплять это влияние и предрассудки, а, наоборот, так, чтобы национальных фетишей становилось все меньше и меньше. Партия в своей деятельности всегда имела в виду, что не только буржуазия угнетающих наций ведет антинациональную политику, но и «помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурочить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций»⁴².

Таким образом, положение В. И. Ленина о «двух нациях в каждой нации и двух культурах в каждой национальной культуре» ничего общего не имеет с национальным нигилизмом. Но вместе с тем оно никак не является просто «образным выражением». Это положение имеет программное значение при анализе сущности нации капиталистического

⁴⁰ Там же, стр. 122.

⁴¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 38, стр. 159, 160.

⁴² В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 59.

общества и при выработке правильной политики, стратегии и тактики в решении как национальных, так и классово-социальных задач. Если первые три признака в определении И. В. Сталина вытекают из историко-материалистического понимания нации, то четвертый момент: «общность психического склада, проявляющегося в общности культуры», — на наш взгляд, не отражает сущности нации капиталистического общества. Некоторые авторы, например, Р. Х. Абдушукуров и Н. И. Бронский, защищая «четвертый признак», ссылаются на то, что одно дело — психический склад, а другое — психология, что первое относится ко второму как форма к содержанию, и посему если содержание является классовым, то форма не имеет классовых элементов. На основании подобных рассуждений они пытаются свести проявление психического склада в основном к физиологии и делают вывод, что «структурные признаки национальной формы как буржуазной, так и социалистической общности людей являются одними и теми же. Социалистические нации характеризуются, как и буржуазные нации, наличием и органическим соединением четырех признаков»⁴³. Эти утверждения, на наш взгляд, далеки от истины. Прежде всего произвольным является отнесение психологии (изучение психических процессов) к содержанию, а психического склада — к форме определенных национальных особенностей. Если термин «психический» образуется как прилагательное от термина «психика», то это не означает, что первое по отношению ко второму выступает как форма к содержанию. Психические особенности или особенности психики — это одно и то же. А психика человека всегда имеет социальную природу, и никакие натуралистические объяснения не могут исчерпать ее сущность. Но если даже индивидуальная психика есть продукт общественных отношений, то может ли национальная психика быть лишенной общественно-исторической природы, может ли она объясняться только, или главным образом, биологической наследственностью или физиологией высшей нервной деятельности? Очевидно, нет, поскольку в противном случае нам пришлось бы или в какой-то мере разделять расистские фикции или приписывать нациям особые типы высшей нервной деятельности. Но, как известно, все типы высшей нервной деятельности встречаются у людей любой нации. Прибавление к слову «психический» слова «склад» не только не меняет дела, но, наоборот, еще больше подчеркивает социальную природу психики, ее характер, направленность. Тут, как правильно замечают П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, системность сознания более характерна для классов, составляющих нацию, чем для нации в целом.

Наконец, психический склад неправильно отождествлен И. В. Сталиным с национальным характером. Характер — лишь один из компонентов психического склада, являющегося совокупностью наиболее устойчивых психических свойств и черт характера, способностей и темперамента. Если в отношении последнего решающими являются природные условия, то характер и способности главным образом зависят от общественно-исторических условий. Характер человека, в том числе и его национальный характер, определяется его местом в системе общественных отношений. Можно говорить о различных национальных характерах сравнимых категорий людей, например, о различиях национальных характеров пролетариата или буржуазии разных наций. Мы знаем, например, что английский буржуазный класс включил в себя и «новое дворянство», что обусловило многие специфические черты английского буржуа — его консерватизм, преклонение перед традиция-

⁴³ Н. И. Бронский. Национальные формы и традиции в строительстве социалистической культуры. «Ученые записки» Ростовского-на-Дону государственного университета. Т. LXI, вып. 1. 1957, стр. 157; Р. Х. Абдушукуров. Октябрьская революция, расцвет узбекской социалистической нации и сближение ее с нациями СССР. Ташкент. 1962, стр. 287.

ми, родословными и титулами, снобизм и «дух компромисса». Можно назвать некоторые иные особенности буржуа и других наций. Если сравнить черты, присущие пролетариату разных наций, то можно выявить различия, которые определяются не классовым положением (в этом однородные классы в основном равны), а национальными условиями жизни. Когда же люди находятся между собой в антагонистических классовых отношениях, то их национальным общим может быть язык, территория, экономические связи, сознание своей этнической принадлежности. Духовные же общности здесь не могут быть в качестве детерминантов нации.

На определенных этапах исторического развития той или иной страны происходит консолидация различных классов нации не потому, что имеется якобы духовная общность, а потому, что этого требуют интересы нации, объективные законы развития общества. Ленин подчеркивал, что под чужеземным гнетом народы возвысились до национальной идеи, «до сознания внутренней связи между государством и нацией»⁴⁴. Национальная идея, ставшая знаменем почти всех войн XIX в., охватывает уже не только сознание этнической принадлежности к той или иной нации, но и сознание национального суверенитета, связанного с государственным суверенитетом. В таком широком понимании национальная идея является ведущей почти во всех современных национально-освободительных войнах. Национально-освободительное движение народов Африки, Азии и Латинской Америки тесно связано со стремлением к политической, государственной независимости, к образованию национальных государств. Конечно, не все страны (государства) являются «чистыми» по своему национальному составу, но общности капиталистических экономических связей, территориальная и языковая общности служат достаточными условиями для образования нации как новой, более широкой и сложной (чем прежние) этнической общности людей. Какое громадное значение имеет общая экономическая и политическая жизнь в образовании новых наций, показывает пример Соединенных Штатов Америки. «Нигде в мире,— писал Ленин,— не перемалываются так быстро и так радикально, как здесь, громадные национальные различия в единую «американскую» нацию»⁴⁵. Такие же примеры дают латиноамериканские нации, которые консолидировались и консолидируются не только из различных национальностей, но и из различных рас. Таким образом, то, какой национальный характер вырабатывается у людей, зависит не от их национального происхождения, а от тех конкретных исторических условий, в которых они длительное время живут. Среди этих условий решающими являются классовые. Господствующие эксплуататорские классы преувеличивают значение общности определенных черт психологии между представителями различных классов одной и той же нации, но это спекуляция на национальных чувствах трудящихся. Существует определенный национальный колорит жизни, но у бедняка и у его угнетателя он различен; есть национальный колорит чувств и традиций, но содержание этих чувств может быть диаметрально противоположным. Тем более это раздвоение происходит в обиходе мыслей и действий.

То общее, что есть в психическом складе антагонистических классов одной и той же нации, определяется главным образом общими природными условиями и крупными историческими событиями, затронувшими судьбы нации в целом. В отношении этих событий, наложивших отпечаток на психологию людей данной нации, надо, однако, иметь в виду, что они в конечном счете тоже по-разному отражаются в чувствах, мыслях и действиях классов-антагонистов. Определенные точки соприкосновения временны, не всегда настолько существенны, чтобы на

⁴⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 28, стр. 583.

⁴⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 355.

основании их говорить об общности психологического восприятия и отражения исторических событий в жизни нации. Всемирная история изобилует примерами предательства национальных интересов буржуазией. Так случалось и в национально-освободительных войнах. Маркс в 1853 г. писал: «Итак, большим прогрессом для партии Мадзини является то, что она, наконец, убедилась, что даже в национальных восстаниях против чужеземного деспотизма имеет место такая вещь, как классовые различия»⁴⁶. Огромное значение анализу и учету этих различий в общенациональных революциях придавал В. И. Ленин. «Понятие «общенациональная революция», — писал он, — должно указывать марксисту на необходимость точного анализа тех различных интересов различных классов, которые сходятся на известных, определенных, ограниченных общих задачах»⁴⁷. Буржуазия, как правило, не прочь отстаивать национальную независимость или участвовать в национально-освободительном движении, но с условием, что ей не придется в чем-либо ущемлять свои классовые интересы в пользу народа, что результаты национально-освободительных движений в конечном счете будут в ее интересах. Это вместе с тем не мешает буржуазии (как и раньше не мешало князьям, герцогам и маркизам) изображать себя представительницей нации и даже рабочего класса. В действительности, как отмечал Энгельс, в национальном существовании «социалисты заинтересованы гораздо больше, чем буржуа»⁴⁸. Подчеркивая эту же мысль, Ленин писал: «И рабочий класс не мог окрепнуть, возмужать, сложиться, не «устраиваясь в пределах нации», не будучи «национален» («хотя совсем не в том смысле, как понимает это буржуазия»)»⁴⁹. Трудящиеся ценят и отстаивают свою родину, свою национальную независимость в качестве арены борьбы за свое развитие как личности, за свое материальное благополучие и духовный рост. В этих целях временами они действуют сообща с господствующими классами. Но не в интересах рабочих записываться в духовные родственники буржуазии. Характер, психология и идеалы рабочих и буржуазии диаметрально противоположны. В этом следует видеть не распад нации, а предпосылки обновления нации, приобретения подлинной духовной общности в будущем социалистическом обществе. Для этой цели рабочий класс уже при капитализме вырабатывает свои политические взгляды, создает и развивает свою культуру, используя все прогрессивное, демократическое в культуре своей и других наций.

Обращает на себя внимание и такое обстоятельство, что сторонники рассмотрения национального характера в качестве одного из признаков нации сами же с исключительным единодушием отмечают его «неуловимость», «неопределенность». Попытки уловить проявления национального характера в культуре дают тот же результат: в «двух» культурах проявляются и два национальных характера. Положение не спасает и поправка, что национальный характер проявляется не вообще в культуре, а в ее специфических особенностях. Наоборот, новая формула как бы увековечивает какие-то особенности, якобы присущие только данной нации, не считаясь ни с тем, что общие условия различных наций порождают сходные культуры, ни с тем, что происходит взаимопроникновение, взаимообогащение культурными достижениями всех наций. Этим нововведением нисколько не облегчается решение проблемы. Более того, даже для социалистической нации, члены которой обладают подлинной духовной общностью, вопрос связи национального своеобразия культуры и национального характера не решается просто и однозначно. Наиболее легким решением этой проблемы яви-

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 8, стр. 573.

⁴⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 15, стр. 276.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 22, стр. 558.

⁴⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 75.

лась бы простая ссылка на национальный характер. Однако те, кто считает, что национальный характер выражается в своеобразии культуры, и те, кто полагает, что это своеобразие предопределено национальным характером, фактически одно неизвестное объясняют другим неизвестным. Для выявления сущности как национального характера, так и национального своеобразия культуры необходимо получить правильное представление о сути наций как общественно-исторического явления. Только в свете последнего можно понять национальный характер, а не наоборот. Историко-материалистическое рассмотрение нации делает ясным пути ее образования и эволюции. Если экономической основой возникновения нации буржуазного общества был капиталистический способ производства, то для образования социалистических наций с их единым духовным обликом требуется победа социалистического способа производства.

Таким образом, для характеристики наций вообще, то есть нации любого типа, достаточно назвать самые общие признаки: экономическую основу жизни, целостность территории, однородность языка и сознание этнической принадлежности. Конкретизация этих признаков и дополнение их другими, новыми признаками станут возможными при характеристике наций по их различным социально-политическим типам. В свою очередь, чтобы правильно определить типы нации, необходимо исходить из точного социально-политического анализа классов, составляющих ту или иную нацию. В современную эпоху можно различать нации капиталистического общества, состоящие из антагонистических классов с противоположными экономическими интересами, идеологией, нравами; социалистические нации, состоящие из дружественных классов и становящиеся все более и более социально однородными; наконец, нации переходного социального типа, облик которых оформится в зависимости от того, пойдут они по капиталистическому или некапиталистическому пути. Определить один тип наций по аналогии с другим значило бы опять путать понятия «нация» и «национальность». Когда нация преобразовывается в социалистическую, национальность людей не меняется, а сущность нации претерпевает глубокие качественные изменения. Главное в социалистических нациях — это интернациональная общность экономической, культурной и социально-политической жизни, интернациональные черты характера людей, идущих через расцвет и сближение наций к безнациональному человечеству. На этом пути качественно меняются и прежние национальные признаки. Например, национальная общность экономических и политических интересов той или иной советской нации сочетается с интернациональной экономической и политической общностью всего советского народа. Меняется и национальный характер людей. Вбирая в себя все прогрессивное, что имелось в историческом прошлом нации, он формируется и развивается в борьбе с эксплуататорским строем, в процессе строительства социалистического общества. Социалистическая экономика и идеология определяют и единую социалистическую культуру. Социалистическая по содержанию, национальная по форме, она тоже становится интернациональной. В период строительства коммунизма все большая общность черт характеризует людей различных социалистических наций.

Общность территории как признак нации также приобретает новое качество. Социалистические нации имеют свою территорию с исторически сложившимися границами. Ленин всегда подчеркивал значение государственных границ и для социалистических наций, без чего право наций на самоопределение превращается вообще в фикцию, подменяется «социалистическим культурным кругом», «культурно-национальной автономией» и т. д. Противников политического самоопределения наций Ленин называл «империалистическими экономистами» и, разоблачая их враждебное отношение к государственным границам, доказывал, что,

«перестроив капитализм в социализм, пролетариат создает возможность полного устранения национального гнета; эта возможность превратится в действительность «только» — «только»! — при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства сообразно «симпатиям» населения, вплоть до полной свободы отделения. На этой базе, в свою очередь, разовьется практически абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится отмиранием государства»⁵⁰.

Дальнейшая история развития всех наций СССР подтвердила правоту Ленина. Самостоятельные советские республики добровольно объединились в федеративный союз, ряд наций и народностей строил свою государственность на основе советской автономии. Из года в год крепли дружба народов, их всесторонние связи, общие интересы и цели все более сближали людей всех национальностей. Границы, установленные согласно «симпатиям» населения, и сейчас необходимы для развития национальной государственности, но они уже утрачивают свое прежнее значение. В СССР наблюдается постоянное и всестороннее общение между нациями, стремление разумно использовать всю территорию страны как общее достояние советского народа. Ленин, неоднократно указывая на значение учета «симпатий» населения при определении границ, подчеркивал, что эти «симпатии» зависят от национального состава. Вместе с тем, писал он, дело не только и даже не столько в национальном составе, сколько в других факторах, среди которых интересы экономического развития занимают решающее место: «...национальный состав населения — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других... Поэтому целиком и исключительно становиться на почву «национально-территориалистического» принципа марксисты не должны»⁵¹.

Практика коммунистического строительства целиком подтверждает, что рост многонациональности населения всех районов СССР является закономерностью. Это явление, безусловно, прогрессивно, и искусственные меры по обеспечению национальной однородности противоречили бы объективным процессам экономического и социального развития. В советской общности аккумулируются достижения и ценные черты всех наций и народностей. Наряду с национальной общностью советские люди имеют более высокую советскую интернациональную общность. В советском характере национальное и интернациональное выступают одновременно, в единстве. При этом в духовном облике социалистических наций все больше развиваются общечеловеческие, интернациональные, коммунистические черты. Таким образом, социалистическая нация — это образовавшаяся в результате победы социализма общность людей, имеющих единый язык, территорию, общность экономических интересов, государства, культуры, духовного облика в сочетании с интернациональным мировоззрением, с растущими чертами интернациональных общностей экономической, культурной и социально-политической жизни.

Образование советского народа как новой, интернациональной общности людей, расширение и углубление всестороннего политического, экономического и культурного сотрудничества и взаимообогащения социалистических наций мировой системы социализма опровергают «пророчества» националистов о вечности и неизбежности роста национальных различий и подтверждают предвидение марксизма-ленинизма о сближении наций и будущем их слиянии в зрелом коммунистическом обществе.

⁵⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30, стр. 22.

⁵¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 24, стр. 149.